

Е. Б. Рашковский

Вечная Книга и время постмодерна

Я думаю, что ставлю читателей и себя самого в странное положение, потому что предлагаю поговорить о величинах несоизмеримых. И все же, думаю, такая постановка вопроса правомерна, потому что так или иначе в каждый шаг нашей жизни, в каждом историческом обстоянии мы должны поверять и себя, и свой мир Божьим Словом. И в том, что Библия соотносит себя с каждым нашим шагом и нам, грешным, позволяет соотносить себя с Божьим Словом, заключается вечная новизна и вечная открытость Библии, что, может быть, не устраивает людей фундаменталистского, ретроспективного, устремленного в прошлое духовного склада. Но, в то же самое время, Библия — эта книга, которая в данный момент стоит у нас на подиуме рядом с образом Господа нашего, — есть знак духовной устойчивости, нравственного порядка мира, знак великой и неизбывной глубины отношений Бога и человека в мире, который действительно зыблется, как поется в одном из наших тропарей, «волною морскою».

Итак, мы сопоставляем два понятия — мир Библии и мир постмодерна. А что же мир постмодерна? Что он есть такое? Конечно, как отмечают сами идеологи и философы постмодерна, это одна из кратких, преходящих стадий всемирной истории и всемирной культуры. Конечно, этот мир с библейской Вселенной несопоставим, но все же не может с ней не соотноситься. Нам выпало жить в этом самом мире постмодерна, стало быть, и на нас с вами ложится обязанность, призвание, призыв этот мир библейски осмыслить. И та попытка библейского осмысления мира постмодерна, которую я отважусь вам предложить, одновременно будет и попыткой тематизации этого самого мира. Мира, в котором мы с вами живем в данные годы, дни, часы и мгновения.

Давайте поставим перед собою три вопроса. Вопрос первый: «В чем библейское сознание приемлет мир постмодерна?». Вопрос второй: «В каких областях библейское сознание относится к миру постмодерна многозначно?». Вопрос третий: «В каких областях библейское сознание относится к миру постмодерна отрицательно?». И одновременно мы с вами выявим три основных столпа, на которых если не стоит, то колеблется и раскачивается наш постмодерный мир.

Первая проблема — это проблема множественного, мультикультурного, неевропоцентрического мира. Вторая проблема постмодерна — это попытка представить и описать мир как текст, а текст — как некоторое инобытие мира. И, наконец, третья стержневая идея постмодерна, третий стержневой раскачивающийся столп постмодерна — это идея смерти Бога и исчезновения человека.

Итак, давайте осмотрим все эти три столпа и одновременно присмотримся к самим себе, к своему внутреннему опыту, к опыту осмысления Вечной Книги, с одной стороны, и, с другой стороны, к опыту осмысления преходящих, быстротекущих условий нашей жизни, которые и обозначаются понятием постмодерн.

Наш первый вопрос: «В чем библейское сознание приемлет мир постмодерна?». Я хотел сказать в этой связи вот что. Очень часто я встречаю, особенно в России, тексты философов, которые называют себя христианскими

философами, как будто статус христианского философа — это нечто похожее на генеральские погоны. Отношение этих философов к феномену постмодерна — однозначное и агрессивно негативное. Но, понимая всю трагичность этого феномена, я, тем не менее, все-таки считаю, что каждое историческое явление имеет некоторый учительный смысл, несет в себе некоторые предпосылки для самопознания христианина в свете Писания.

Итак, постмодерн стоит на том, что нынешний мир стал мультикультурным, плюралистичным, что прежний период засилья Запада и европоцентризма истек, кончился, что в мире бок о бок друг с другом существует множество культурных миров, чьи отношения всегда напряжены и многозначны, но которые должны, обречены жить друг рядом с другом и искать взаимопонимания.

Очень часто радикальные представители постмодерна нападают на библейское, христианское сознание как на сознание чисто европоцентрическое, игнорирующее опыты иных народов, иных культур, иных цивилизаций, иных ареалов. Но любой человек, знакомый с церковной историей и с историей Третьего мира, конечно же, может легко опровергнуть эту точку зрения. Именно как историк Третьего мира, я живу и удивляюсь тому, как много сделало христианство для консолидации и самообретения, самонахождения внезападных культур. Но не об этом речь. Дело в том, что проблематика многокультурности мира, проблематика огромного многообразия мира нам дана в Библии, а если мы не замечаем этого обстоятельства — тем хуже для нас самих. Конечно, библейское повествование центрировано Святой землей. Конечно, оно центрировано священной историей израильского народа. Но, если повнимательней присмотреться к Священной истории, — сам израильский народ происходит из лона других народов, причем на протяжении своей длительной истории вовлекая в свою орбиту выходцев из иных племен; более того, Израиль Нового Завета, христианская Церковь, уже становится телом космополитическим. Не отбрасывающим культурную дифференциацию человечества, но перерастающим ее. Но это не всё. Давайте просто вспомним некоторые координаты библейской географии. Если всерьез представить себе библейскую географию, то размах ее примерно такой: с востока на запад — от Индии до Испании, а с севера на юг — от Евразийской степи до тропической Африки, до Эфиопии.

Теперь подумаем о жанрах, темах и образах библейской словесности. Чем больше мы входим в историю востоковедения, восточных филологий, тем больше обнаруживаем связь библейских повествований с творчеством иных народов. Например, с шумеро-аккадской мифологией и правосознанием, с ассиро-вавилонскими сборниками назиданий. Египетский жанр тридцатисловия, разработанный в период Нового царства, вошел в книгу Притчей Соломона. К сожалению, это никак не отражено, да и не могло быть отражено — по тогдашнему состоянию египтологии — в синодальном переводе, но, во всяком случае, использование этого египетского жанра видно в 22 и 23 главах книги Притчей Соломона. Элементы словесности народов Ханаана тоже нашли глубокое отражение в библейских текстах и во многом даже мы живем этими элементами, или, как сказал бы архимандрит Софроний Сахаров, «мы живем эти элементы». Действительно, в древнем Ханаане очень важно было создать одному из городских божеств «дом». «Дом» и «храм» на языках народов Ханаана, как и на древнееврейском языке, — одно и то же слово, «бейт». И, собственно, когда древнееврейский народ дошел до идеи единобожия, встал вопрос о том, что единый Бог должен парадоксальным образом иметь свой Дом посреди того народа, который Ему себя посвятил. Который как бы стал Его земным уделом. И уже в этой идее Дома-храма мы находим первые начатки, первые догадки будущей христианской космологии о том, что весь наш космос должен, и не без нашего участия, стать домом-храмом Бога, Господа нашего. Должен стать Новым, Небесным Иерусалимом.

Наверное, об этом сегодня будет говорить Владыка Серафим с Откровением Иоанна Богослова. Далее. Характерный для античного мира жанр назидательного послания (сейчас благодаря папирологии эллинистического Египта этот жанр античного творчества хорошо описан; в частности, есть и в нашей русской литературе книга Аркадия Бенционовича Ковельмана «Риторика в тени пирамид» — как раз об этом), преодолевший какую-то лобовую, повседневную, приземленную назидательность античной эпистолы, превратился в Апостольские послания, которыми мы живем, в которых мы живем, которые через нас продолжают жить. Апостолы Павел, Петр, Иоанн, Иаков, Иуда, возможно, Аполлос, использовали этот жанр.

Второй вопрос: «В каких областях библейское сознание относится к миру постмодерна многозначно?». Я говорил о том, что самое важное для постмодернистского мира — попытка смоделировать Вселенную как текст и текст как Вселенную. Но до сих пор теоретики постмодерна не могут точно ответить нам на вопрос: «Что же такое текст — это строгая кристаллограмма или обжигающая плазма? Как соотносится формальная непреложность научно удостоверенного текста и неумная динамика его внутренних смыслов, неумная динамика диалогов текста с каждым из нас?» И вот, не будучи в силах решить этот по сути дела неразрешимый вопрос, теоретики постмодерна разработали идею деконструкции. Что такое деконструкция? Это идея самоценного и самоцельного критицизма, который пытается кристаллические структуры текста превратить в плазму, чтобы вновь переоформить эту плазму в новые кристаллические структуры.

Казалось бы, это вызов, брошенный Библии, вызов на смертный бой, вызов на смертный поединок. Но библейская вера, прошедшая через горнило церковного, социоисторического и научного опыта, не боится ни настырного моделирования, ни яростно-критической деконструкции исторически сменяющих друг друга моделей. Библия привыкла быть критикуемой всегда и чуть ли не отовсюду. Но это не все. Дело в том, что само библейское сознание постоянно, сталкивая текст с нашим внутренним опытом, открывает перед нами такие напряженные горизонты бытия, что само инициирует свою критику, само заставляет нас, нашу веру проходить через пламя критики и сомнения. Так что, если вспомнить Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла, глава первая, стих двадцатый, то процесс самопознания в свете активности совопросников от науки — оказывается историческим топливом нашей веры. От критики никуда не денешься. Но от перегорающей критики — лишь чище библейское золото.

И, наконец, третий, последний вопрос: «В каких областях библейское сознание относится к миру постмодерна отрицательно?». Я говорил, что третий столп идей постмодерна — похищенная у христианства и перетолкованная Ницше идея смерти Бога как смерти человека. Человеческое знание самодовольно и самодостаточно. Собственной самодостаточностью убивая Бога, человек ликвидирует и самого себя. И это один из самых настойчивых, один из самых манипуляторских мотивов идеологии постмодерна. Мишель Фуко, один из предтеч постмодернизма, писал, что, коль скоро человек убил Бога (причем пишется это очень легко, пишется в искрометном научном рассуждении), тем самым он создает предпосылки для того, чтобы лик человека был смыт потоком времен, как смываются рисунки на песке. От человека уже ничего не остается, остается только скоротечная научная процедура. Но вопрос — как соотносится это вызывающее кощунство с библейской верой?

Дело в том, что библейская вера нас сталкивает с проблемой смерти Бога и смерти человека с той напряженностью, с той полнотой утраты, с той болью, которая никогда не снилась никакому мыслителю постмодерна. «Лама азавтани? Почто меня оставил?», — восклицает Псалмопевец. И эти же слова

мы слышим от умирающего Бога со Креста, но уже в арамейской версии: «Лема сабахтани?».

Вопрошает Господа о смысле незаслуженного человеческого страдания брошенный, казалось бы, на погибель Иов.

Ужас смерти вочеловечившегося Бога, смерти по нашей вине — одна из стержневых тем и нашего чтения Библии и нашей литургической жизни. Через ужас смерти Бога по нашей вине мы проходим и в определенную часть нашего литургического календаря, а что касается представителей православной или католической церкви, ужас смерти Бога мы проходим и в ходе нашей Литургии. Чтобы совоскреснуть Господу, мы должны и соумереть Ему. И Священное Писание, и Священное Предание проводят нас круто, жестоко через это страшное состояние. Но для того, для кого это состояние — часть живого церковного, христианского опыта, а не просто академический экзерсис, для такого человека, я думаю, ценность жизни, ценность человеческого существования, ценность Божеского присутствия возвращается с какой-то особой силой, какой-то особой радостью и дает надежду на новую жизнь, на новую любовь, на новое познание. Мир погибает в каждый момент своей жизни, но эстафета божественного творения продолжается. И, по-видимому, это самый главный урок из сопоставления вещей, казалось бы, несопоставимых — Вечной Книги и постмодерного состояния сегодняшнего мира.

Данная публикация охраняется Законом РФ «Об авторских и смежных правах» (в ред. Федерального закона от 19.07.95 № 110-ФЗ).

При использовании и цитировании текста ссылка на BIBLE-CENTER.RU обязательна.

При использовании и цитировании в интернете гиперссылка на www.bible-center.ru обязательна.